

Мы знакомы с Володей лет пятнадцать — с той поры, когда почти одновременно оказались в Минске. Я попал туда по распределению. Он, помыкавший в Москве без квартиры, осел в столице Белоруссии после женитьбы. Не скажу, чтобы мы были друзьями (все-таки я был начинающим журналистом, а он — уже знаменитым актером), но общались в те годы достаточно часто. То было время взлета популярности Гостюхина — после знаменитого «Восхождения» режиссеры рвали его буквально на части. «Старшина», «Охота на лис», «Возьму твою боль», «Чужая вотчина», «Берег», «Родник», «Наш бронепоезд» — вот только несколько заметных картин с его участием, о которых мы говорили при встречах и для печати, и для души. А потом время нас развело. В начале перестройки я оказался в Москве, Гостюхин остался в тихом Минске. И судьба больше нас не сталкивала. Разве только изредка я читал в газетах интервью Володи, отмечая про себя эволюцию его взглядов. И вот — встреча через семь лет. А по сути — через эпоху...

— Благодаря тому, что я тебя давно знаю, у меня есть возможность сравнить Гостюхина сегодняшнего и вчерашнего. Лет этак десять назад, я помню, ты очень критично воспринимал советский строй. Более того, на одном из публичных выступлений прямо заявил, что это национальный позор, когда во главе державы стоит больной, маразматизирующий человек. На завтра, я знаю, тебя вызывали в «органы», вели «профилактические» беседы... Сегодня, насколько я могу судить по твоим высказываниям и поступкам, ты тоскуешь по прошлому времени — участвуешь, например, в конгрессе народов СССР, а нынешний строй начисто не приемлешь... С чем связана такая переоценка ценностей?

— Не могу утверждать, что я абсолютно не принимал советский строй — иначе стал бы его активным ниспровергателем, ушел бы в разрушительное диссидентство. Да, я отказался по принципиальным мотивам вступить в КПСС, никогда не сложил Леонида Ильича, не играл секретарем парткомов. Но и убежденным врагом системы, а тем более страны, не был. Я был врагом правящей верхушки, партийной номенклатуры, которая вела общество по гибельному, тупиковому пути. Ритуальная передача власти из одних дряхлеющих рук в другие, безумные проекты типа переброса северных рек на юг, неэффективная экономика — это и многое другое не могло не вызывать у всякого мыслящего человека, в том числе и у меня, внутреннего протеста.

Убежден: государство нуждается в реформировании, но — в постепенном, кропотливом, эволюционном. В нашей же стране в очередной раз произошла нещадная расчистка, все сметающая на своем пути революция. Обвальное разрушение великой державы, массовое обнищание народа, потеря людьми социальных гарантий и перспектив — все это стало и моей личной трагедией. Поэтому как болея моя душа народными скорбями и печальми десяти или двадцать лет назад, так она болит и сегодня.

— И все же в самом начале перестройки, я помню, ты был воодушевлен происходящими переменами и даже послал Горбачеву телеграмму с пожеланиями успехов в его благих делах и намерениях. Когда ты охладел к происходящим реформам?

— Могу сказать точно: это был 1987 год. Тогда в Верховном Совете СССР возникла мощная, влиятельная межрегиональная депутатская группа, которая, я почувствовал, всю свою энергию направляет не на реформы, не на медленное продвижение вперед, а на полную гибель системы, что (надеюсь, теперь это ясно всем) было синонимом гибели государства. И я понял: мне с этими «перестройщиками» не по пути...

— А с кем по пути? С обанкротившимися идеологами «социалистического выбора»?

— А я бы не отрицал и социалистического выбора, столь необходимого сегодня сердцу иного яростного демократа. Общинные, коллективистские традиции всегда были сильны в нашей стране, а в последние 70 лет получили невиданное, хотя порой и уродливое, развитие. Отвергать опыт этих лет, в которые наряду со страшным, кровавым было и много перспективного, созидательного, — это тот же большевизм, который уже породил и еще породит нечало катаклизмов.

Что до моих личных политических, гражданских симпатий, то сегодня я нахожусь на стороне державно-патриотических сил, объединяющих немалую часть социал-демократов, коммунистов, монархистов, беспартийных — всех, кто любит нашу Отчизну и готов к долгой, тягостной, неблагодарной работе по восстановлению разрушенного за нечеловеческие последние годы. Близка мне здравая, про-

думанная государственно-охранительная позиция Зюганова и его партии, в которой люди объединяются по идейным убеждениям, а не по соображениям быстротекущей конъюнктуры, как это случается сегодня со многими новоявленными политическими течениями.

— А тебя не смущает, что так называемые патриотические силы нередко приходят на митинги с портретами Сталина, что их призывы проникнуты нетерпимостью и зло-

— А Руцкой, Макашов, Анпилов для своих противников просили, конечно, санаториев и пансионатов? Надо ли упрощать ситуацию невинных, в которой, на мой взгляд, не было? Неуступчивость власти, с одной стороны, непримиримость оппозиции с другой — одна из причин той трагической ситуации. Но поговорим об интеллигенции... Лет пять назад, помню, в интервью газете «Советская культура» на вопрос, взгляды каких художников тебе близки, ты назвал имена Распутина, Белова, Астафьева...

— Да, я на стороне национальной интеллигенции.

— Но вот уже три года, как Астафьев отшатнулся от «патриотического», «почвеннического» движения, в своих последних статьях и выступлениях он предал анафеме коммунизм, советскую систему. Мне кажется, что когда такие крупные, уважаемые люди покидают ваши ряды, — это характерный симптом... Я уж не говорю о том, что огромное количество авторитетных деятелей культуры, включая, например, Василия Быкова, в любви к которому ты в свое время тоже клялся, поддерживают нынешние реформы.

— Астафьев, разумеется, имеет право считать так, как он считает, думать так, как он думает. Но я никогда не уважал людей, которые стремительно меняют свои взгляды. Вчера он говорил одно, сегодня — прямо

этот поступок у многих вызовет раздражение, неприязнь. Но это был мой протест против призывов радикальной интеллигенции к крови и лагерям.

— Знаешь, мне трудно представить, чтобы интеллигентный Булат Шалвович в знак протеста против действий оппозиции и, в частности, твоих высказываний, прилюдно разломал каскет с фильмом, в котором ты принимал участие.

— Но я же не требовал уничтожить радикал-демократов, не подписывал писем к президенту с пожеланиями побыстрее «раздавить гадину», не призывал лупить дубинками стариков и женщин...

— Зато Умалатова призывала повесить президента, зато Руцкой велел брать Останкино... Они ведь тоже — часть «патриотической» оппозиции. И твоё имя воспринимается в одном ряду с «непримиримыми». А вот Пушкин сказал о месте и позиции художника в обществе: «Ты бог и царь, живи один»...

— Пушкин, конечно, прав, но он сам не смог до конца следовать им же сформулированной заповеди. Известно ведь, что Александр Сергеевич был тесно связан с декабристами, его преследовало третье отделение, у него были разногласия с императором. Какое уж тут «живи один». В принципе, я стремлюсь

Но даже если предположить, что меня подвергнут обструкции и совсем отодвинут от кинематографа, я и в этом случае найду способ самореализации: буду писать, готовить поэтические программы, займусь чем-нибудь еще... Например, я давно хотел попробовать себя в режиссуре, одно время даже написал сценарий по роману Астафьева «Печальный детектив», собирался его экранизировать. Но потом мои внутренние убеждения с убеждениями Виктора Петровича разошлись... Сейчас же на постановку даже самого скромного фильма нужны немалые деньги, я их найти не могу.

Зато в театре осуществить любой проект значительно легче. Недавно вместе с режиссером Александром Ефремовым мы практически на голом энтузиазме, без зарплаты, поставили на сцене минского Театра-студии киноактера спектакль «С Новым годом» по пьесе М. Володимерова, в котором я сыграл одну из двух главных ролей. По отзывам смотревших людей, спектакль получился нежный, добрый, страстный и целюудренный одновременно. После каждого представления зрители устраивали овацию по 15—20 минут, билеты разбирались на несколько месяцев вперед. Дело тут, видимо, не только и не столько в наших талантах, просто люди соскучились по «нормальному», а не агрессивно-разрушительному искусству, которое сейчас царит на всей протяжении бывшей великой державы.

— Ты живешь в Минске — столице ныне самостоятельного государства. Когда ты оцениваешь какие-то сугубо российские процессы, явления, нелицеприятно судишь о российских политиках, не посещает ли тебя чувство, что ты вторгаешься в дела другой страны?

— Это же просто смешно! Я русский человек по происхождению, родился на Урале, учился и работал в Москве, так что Россия остается для меня моей родной страной. Равно как и Белоруссия, где я, слава Богу, не ощущаю себя «чужестранцем».

— И все-таки в эпоху пограничной суверенизации нет ли смысла вернуться «на историческую родину»?

— Меня в былые годы приглашали и в московские театры, и Товстеногов звал в БДТ, но я прижился в Белоруссии, полюбил ее. Сегодня здесь нравственная атмосфера чище, чем в России. Во всяком случае, здесь пока никто не стрелял по парламенту, по людям из пушек. А Москва, которую я раньше любил, стала для меня, к сожалению, чужим городом. Винаваты в то не люди — виноваты политики.

— И последний вопрос... Твоя лучшая и главная роль была сыграна в фильме «Восхождение», который поставила Лариса Шепитько, рано ушедшая из жизни. Сегодня, в дни «великой смуты», мы часто обращаемся за поддержкой и несомненным нравственным авторитетом и гадаем: как бы жили, какую позицию занимали, допустим, Владимир Высоцкий, Олег Даль, Василий Шукшин? Как ты считаешь, «чью сторону» приняла бы сегодня Лариса Шепитько?

— Не берусь об этом судить категорично, но Лариса была человеком искренне верующим, и, думаю, христианская совесть подсказала бы ей, где правда. Кроме того, для нее очень много значили такие категории, как родная земля, родная страна. Помню наш откровенный разговор в минском Доме кино во время премьеры «Восхождения». «Диссиденты говорят, — сказала тогда Лариса, — что здесь невозможно ничего снимать. Но это неправда, можно и необходимо делать честное кино, если только у тебя есть твердые нравственные убеждения». И Лариса, у которой была очень трудная творческая судьба, это доказала всей своей жизнью, и особенно фильмом «Восхождение». Я считаю, что эта выдающаяся картина очень современна, она буквально смотрит в наше время — время портновских, время перевертышей всех мастей. Но предатель есть предатель во все времена, а человек, идущий на Голгофу во имя своих убеждений, остается таковым и в эпоху невиданного «торжества демократии».

— Спасибо, Володя, за беседу. Для меня твои сегодняшние взгляды прояснились. Не могу сказать, что мы думаем одинаково...

— Я это почувствовал... — Но мы смогли поговорить, не беря друг друга за грудки. Мовет, и политики сподобятся?

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.

На снимке: Владимир Гостюхин в кинофильме «Родник».

Дискуссионная трибуна

Март - 1994 - 6авг - с. 7

«Я НЕ ЛЕЗУ В ДЕШЕВКУ И ГРЯЗЬ»

Так сказал актер Владимир Гостюхин в беседе с нашим корреспондентом

стью? В конце концов как ты относишься к тому, что тебя и движения, которым ты симпатизируешь, заносит в «черный список» непробиваемых ортодоксов, поборников старого режима?

— Спокойно отношусь. У меня есть убеждения, и я им слеую, а не шаражусь из стороны в сторону от той или иной газетной реплики...

Что до Сталина, он ведь тоже фигура в историческом аспекте неоднозначная. Да, диктатор, кровавый тиран. Но и глава государства, которое выиграло войну, быстро и без посторонней помощи восстановило экономику. А сегодня, без войны, мы ходим по миру с протянутой рукой. Поэтому когда обездоленные, обнищавшие, запуганные мафиозными «разборками» люди выходят на митинги с портретами Сталина, то они не по кондалагерам тоскуют, а по крепкой державности, по порядку. Я это так понимаю.

Конечно, в патриотическом движении есть немало шлама, хватает места нездоровому радикализму. Но он был порожден — я в этом абсолютно уверен — радикализмом демократическим, ситуацией, воспользуемся ленинским словом, перманентной катастрофы, в которую вергнул страну «новые большевики». И если уж говорить о репрессиях, то именно демократическая элита в октябрьские дни требовала для оппозиции стадионов и лагерей.

противоположное... В этом для меня есть нечто загадочное, трудно объяснимое, даже болезненное. К сожалению, я не знаю писателя близко, и мне трудно судить, что за метаморфоза с ним произошла, но я думаю, что, предав себя, свои убеждения, Астафьев никогда не создаст ничего, равноценного, скажем, «Пастуху и пастушке». И Быков нового «Сотникова» не напишет. В своих давних повестях они шли от себя, от своей совести, от правды жизни, а нынче, как мне кажется, иллюстрируют взгляды своего окружения...

— И Окуджава тоже? Ты говоришь, что не приемлешь радикализм, а сам позволил себе злое жест — прилюдно разломать пластинку нашего пропавшего поэта. Скажи, сегодня, по прошествии времени, не жалеешь о том своем, как мне кажется, не красящем тебя поступке?

— Абсолютно не жалею. Я на многое смотрю сегодня через призму октябрьских событий. Кто как себя в те дни вел, тот и соответствующей нравственной оценки заслуживает. Не стану скрывать: Окуджава долгие годы был моим кумиром, я практически наизусть знал и знаю до сих пор его стихи и песни. Но после того, как Окуджава призвал к уничтожению оппозиции, он перестал существовать для меня как художник. Вот почему я разломал его пластинку, отдавая себе отчет, что

быть независимым, поэтому не лезу в «чистую» политику, хотя меня в нее и тянут. Но, не вступая ни в какую партию, что я могу поделаться со своей совестью, которая болит и заставляет быть с теми, кто оказался в оппозиции нынешнему режиму?

— Подозреваю, в связи с твоей очень определенной политической «ангажированностью» часть демократически настроенной режиссуры от тебя отшатнулась...

— Да, поле сузилось... Это произошло еще и потому, что я оказался вдруг в независимом государстве. Если раньше меня снимали на «Мосфильме», «Ленфильме», в Одессе, Киеве, если существовало общее художественное пространство, то сегодня нагородили зримых и незримых границ, барьеров... Через их частокон иногда бывает трудно прорваться.

— Не может оказаться так, что ты, не побоясь этого слова, выдающийся актер, останешься без работы?

— Пока мне это не грозит — есть немало людей, которым близки мои взгляды и убеждения, что позволяет работать, не ломая, не выворачивая себя назнанку. Выбираю роли, исходя из строгих нравственных критериев: не лезу в дешевку, грязь, порнуху... Мне кажется, я сейчас в очень хорошей актерской форме — чувствую это каждой своей клеткой. Так что, надеюсь, еще не все роли сыграл.